

Т.А. Титова, А.В. Пураева

НРАВСТВЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК НАСУЩНАЯ ЗАДАЧА И ПРОБЛЕМА СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Томский государственный педагогический университет

Мы стали богатыми в познании
и бедными в мудрости.

К. Юнг

Образование является составной частью и продуктом культурно-цивилизационного процесса. Это важная цель культуры и необходимое условие ее развития. Поэтому так много исследований посвящено содержанию образования, его структуре, функциям. Однако оно не только не изучено в достаточной полноте, но раскрывает новые проблемные поля, часть из которых представляет собой актуализацию «вечных» проблем, к решению которых подступает каждое новое поколение исследователей. К таким, всегда воспроизводимым, всегда актуальным проблемам образования относится его нравственное содержание, смыслы и ценности как самого образования, так и образования нравственного. Поясним: нравственное просвещение и воспитание являются не только и не просто частью образовательного процесса, они соприсутствуют, пронизывают всю систему образования. Напомним, что *этическое содержание (теория, практика) не равно всем другим формам и способам человеческого познания и практики, оно занимает особое место: смыслозадающее, ценностно-ориентирующее, определяющее, мотивирующее любую целеполагающую деятельность с точки зрения добра и зла, а потому выступает важнейшим регулятором поведения человека, его взаимоотношений с другими людьми, в конечном счете, с любой иной сущностью бытия в этом мире.*

Можно говорить о том, что *культура человеческого общества есть накопление опыта нравственных, то есть ответственных поступков, отбор наиболее значимых, наиболее ценных в смысле добродетели деяний.* Роль образования велика в трансляции этого опыта. Образование является способом приобщения к образу жизни и образу действия общества, т.е. к его культуре в широком смысле слова. Очевидно, что само образование базируется на смыслах и ценностях культуры и должно максимально полно соответствовать им, а именно: максимально полно выражаться в содержании любого предмета, в характере взаимоотношений субъектов учебного процесса, в атмосфере учебного заведения.

Образование – это, по сути, формирование образа человеческого. И одна из фундаментальных про-

блем воспитания и образования – создание общечеловеческой шкалы нравственных ценностей, той шкалы, которая может и должна стать единственной и абсолютной, перед которой все равны и одинаковы (какой она, собственно, и является, например, в любой мировой религии). Той шкалы ценностей, которая почти неудержимо восстанавливается из века в век, в каждой стране, после любых периодов потрясений и кровопролитий. Но потому и восстанавливается, что нравственные задатки являются подлинной онтологией человека, что повседневная практика людей любой культурной эпохи невозможна без любви, сотрудничества, сопричастности, сострадания и т.п. Понятно, что огромную роль в этом процессе играет образование и его важнейший компонент – этическое просвещение.

Это простая и всем понятная логика развития образования превращается в весьма сложную проблему, поскольку проблемным, а точнее, кризисным представляется сам культурно-цивилизационный процесс. Кризис культуры – явление сложное и неоднозначное, но есть весьма видимые его аспекты: с одной стороны, гипертрофированный характер цивилизационного, техногенного развития, технологического в том числе, а с другой – бурное развитие культуры массовой, с невысокими потребительскими стандартами и явно сниженной нравственной планкой ценностей.

Не вдаваясь в глубокий анализ понятий «культура» и «цивилизация», напомним, что, будучи во взаимосвязи и взаимообусловленности, эти стороны человеческого бытия имеют собственную онтологическую природу. «Многозначительно приходится повторять понятие о культуре и цивилизации, – писал Н.К. Рерих, – к удивлению приходится замечать, что и эти понятия, казалось бы, так уточненные корнями своими, уже подвержены перетолкованию и извращению. Например, до сих пор множество людей полагает вполне возможным замену слова «культура» «цивилизацией». При этом совершенно упускается, что сам латинский корень «культ» имеет очень глубокое духовное значение, тогда как «цивилизация» в корне своем имеет гражданское, общественное строение жизни» [1, с. 28].

Н. Бердяев в книге «Смысл истории» утверждает, что «всякая культура (даже материальная культура) есть культура духа, всякая культура имеет духовную основу – она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями» [2, с. 166], включая человека как природное существо. Духовным ядром культуры, несомненно, являются нравственные абсолюты, укорененные в трансцендентной сфере бытия.

В современном цивилизационном пространстве идет процесс интенсивного вытеснения духовных приоритетов, что является свидетельством глубокого кризиса человека и человечества. «Маховики» научно-технического прогресса набирают скорость, вытесняя сущностные (онтологические) стороны человеческой культуры и жизни, ибо последняя воплощается только через культурные, суть, духовно-нравственные формы. «Началась секуляризация культуры, «раскрепостившая» интеллектуальные способности человека, завертелись, набирая ускорение, маховики научно-технического прогресса, материализма, капитализма, сциентизма, нигилизма etc.» [3, с. 63]. Апогея и некоторой напряженности бифуркации (точки выбора) [4] этот процесс достиг только в XX в.

Активная фаза бифуркации означает, что начинается некий грандиозный скачок, переход от духовной культуры, или культуры с мощным духовным основанием, к чему-то иному, внешне видимому как гипертрофированное потребление, телесный комфорт, шоу-формы почти всех видов искусств и даже политики. В сфере общественного производства, личных взаимоотношений заметно центрируется эгоистическое, группоцентристское, корпоративное начало, которое не выражает полноту духовного (нравственного в данном контексте) содержания, за которым можно лишь полагать неясную тоску нормального человека по не найденной подлинности духовных смыслов человеческого бытия и Бытия вообще.

Что же такое духовность? Это интегративное качество человеческого бытия и отдельной личности, относящееся к сфере смысловых ценностей, нравственных ценностей, имеющих статус абсолютных и трансцендентных, выходящих в область метафизического пространства. Духовность является онтологией всех других жизненных ценностей и этим определяет сферу жизненных ценностей, содержание и качество, направленность человеческого бытия, проясняет «образ человеческий» в его возможной полноте и подлинности. Еще раз повторим, что нравственные ценности и есть важнейший компонент духовности. Духовность, а не материальность оказывается фундаментальной категорией, лежащей в основе сложнейшей структуры бытия и человеческого бытия, в первую оче-

редь, следовательно, именно нравственные ценности (знания, опыт исторический, общекультурный) являются основой организации любых процессов человеческой деятельности. *Кризис культуры – есть, в первую очередь, кризис нравственности.*

Например, Т. Имамичи, современный японский философ, указывает на новый тип кризиса человеческой нравственности в технологической цивилизации. Технологические образования обладают коммуникационной системой, основным элементом которой являются буквы алфавита и числа. Человеческие отношения обезличиваются с помощью этих элементов, становятся автоматическими, и уже нет места для личных отношений, благодарности. Выступает на первый план принцип потребления, так как в повседневной жизни человеческие профессии все чаще заменяются автоматическими машинами. «В век автоматов мы можем получить желаемую вещь без слов благодарности. Больше автоматизма – меньше благодарности...» [5, с. 83]. Человек привыкает к таким отношениям, и если так будет продолжаться и дальше, возможно, с течением времени придет поколение, не знакомое с чувством благодарности.

В начале XXI в. становится очевидным, что человеческому сообществу не удалось решить проблему социальной гармонии и мирного сосуществования. Исследователь современной морали В.А. Канке в предисловии к своей книге «Этика ответственности. Теория морали будущего» пишет о том, что «человечество воочию убедилось, что современная цивилизация стала еще более уязвимой. И, пожалуй, самый обескураживающий парадокс состоит именно в том, что главным фактором риска выступает сам человек как потенциально злое, мстительное, безответственное, циничное существо, не пренебрегающее никакими средствами и возможностями истребления себе подобных. Пришло время признать: сверхвооруженное материально, человечество остается бессильным в моральном отношении. Его хрупкое бытие чуть ли не в любой момент может быть нарушено глобальными последствиями не только осуществления злого умысла кучки негодяев, но и под воздействием роковых ошибок утратившего чувство реальности политика, бизнесмена, проповедника – всякого, кто осознанно или неосознанно исповедует ложные ценности либо не ведает моральных ограничений» [6, с. 3]. Если во времена Фрейда неврозы чаще всего вызывались и объяснялись сексуальными запретами, то в современном обществе вседозволенности страдания подавляемых страстей уступают место опустошенности и равнодушию. Кажется «все можно», но деиндивидуализированная связь индивидов, не связанных общей судьбой или связанных так, что в любой момент каждый знает,

что он свободен, не приводит к подлинной близости. Неподлинность бытия становится черной тенью его комфорта и благополучия. Внешняя демонстративная расположенность людей друг к другу маскирует их глубокую внутреннюю самодостаточность. Все добры и улыбки, пока не надо жертвовать своими интересами, в которые, кроме материальных благ, непременно входит «независимость». А полная независимость, полная свобода – это свобода пустоты, которую не до конца функциональные элементы системы «человеческое общество» переносят также трудно, как и несвободу. Многие стремятся как-то заполнить создающийся психологический вакуум. И тогда на сцене вновь появляются достижения науки, прежде всего химии, как старой – алкоголь, так и современной – наркотики.

Умудренные жизненным опытом люди ощущают некие негативные процессы в космоантропной целостности. Качественно меняется не только природное окружение (например, повышенная засушливость или влажность некогда комфортных регионов, тайфуны, смерчи и т.п.), но и сам человек, *его психоментальная структура*. Остановимся более подробно на этой проблеме.

С одной стороны, речь может идти о достаточно видимой стороне качественного изменения психоментальной структуры человека. Еще в начале XX в. русский философ Б. Вышеславцев говорит о чрезвычайно быстром, катастрофическом росте народонаселения планеты и столь же ошеломляющим ростом количества и номенклатуры вещей. Это привело, по его мнению, к тому, что старые социальные и просветительские учреждения и институты не успевают теперь «справляться» с такой массой людей, социализировать и окультурить их в должной мере. Отсюда – такое чрезмерное в наше время количество едва социализированных поллюдей, не способных к созидательному творчеству, но весьма способных и склонных к разрушению культуры, а также к взаимно- и самоистреблению [7, с. 11]. Любой педагог не только высшей, но и средней школы сталкивается с проявлением вандализма, нежеланием учиться и многим другим, что, казалось бы, просто недопустимо в обществе, достигшем таких успехов в технологиях, информатике и т.д., однако проблема «едва социализированных поллюдей» становится все более заметной.

С другой стороны, серьезной деформации подвергается архетипическая, эмоциональная сферы современного человека, что связано с содержанием самой культуры. Как пишет Ю.В. Чернявская: «Культура двулика: она функционирует и как явная норма, правило, закон, и как тончайший намек, непонятный порой даже самим ее носителям. Содержание «явной культуры» – осознанные ценности

или актуализированные смыслы, воплощенные в текстах культуры: заповедях, максимах, законах, навыках действий и моделях поведения, произведениях искусства и т.д. Общая для них характеристика – «внятность»: они вербализованы и отрефлексированы. (Нравственные требования, принципы, например, существуют в форме моральных кодексов, философской науки этики, зафиксированы в языке в форме пословиц, поговорок и т.п. – Т.Т., П.А.) Носитель культуры может более или менее четко обосновать их смысл, хотя в разной ситуации смысл этот может меняться, а в понимании разных людей – варьироваться. Однако всем этим модификациям положен предел – во многом нерациональный, дорациональный. И ответственность за него несет «скрытая культура». Она-то и освящает ценность, правило, закон, не допуская слишком больших различий» [8, с. 5]. Именно в толще «скрытой культуры» и таятся наиболее значимые смыслы, которые носитель культуры упрямо отказывается рационализировать: их полусознанные или даже осознанные коннотации воспринимаются как органические, вошедшие в «плоть и кровь».

Базисные основания «скрытой культуры» в большей мере эмоциональны. Так, по мысли А. Рэдклиффа-Брауна, «общество зависит в своем существовании от присутствия в сознании своих членов определенной системы чувств, при помощи которой регулируется поведение индивидов в соответствии с потребностями общества» [9, с. 170]. Причина этого не только в эмоциональной наполненности самих архетипов, лежащих у истоков культуры, но и в том содержании архетипического, бессознательного, которое связано с механизмом совести, виновности, ответственности. Такие важные составляющие традиционной культуры, как обряды и ритуалы, призваны передавать именно этот эмоционально-нравственный строй, от которого зависит само бытие социума. Вся система образования неким образом должна включать обряды и ритуалы, как условие воспроизводства, поддержания необходимого обществу нравственного начала, его императивности, самоконтроля, ответственности, с одной стороны, и просветляющей энергетики любви, сотрудничества, эмпатии, с другой стороны. Это мощное и необходимое дополнение к традиционному существующему опыту этического просвещения в форме лекции, семинара, написания реферата, подготовки доклада. Реализация подобной задачи превращается в серьезную проблему современной системы образования, но время ее решать уже пришло. Уже сегодня в стенах высшей школы мы сталкиваемся с незначительной, на первый взгляд, проблемой: студенты в аудитории в начале занятия перестали вставать, приветствуя преподавателя, который перестал об этом напоминать, но ведь есть что-

то безусловно активизирующее, дисциплинирующее в процедуре приветствия, недаром эта традиция пришла из весьма далеких времен.

Мы наблюдаем, что проблемой становится и само этическое просвещение. Обратим внимание на мощную секуляризацию курса этики, которая не является обязательным предметом государственного образовательного стандарта по многим специальностям. Но и там, где этика заявлена, ее преподавание сводится к преподаванию этикета, деловой этики, корпоративной этики. Более того, игнорируется философский статус этики, ее ставят на младших курсах, которым еще не читали философию. Неудивительно, что в сознании студентов этические абсолюты редуцируются до состояния усредненных, массовых ценностей, часто не отвечающих требованиям элементарной порядочности. В этом смысле моральный релятивизм – не просто общественное явление, но и *характерный признак нравственной атмосферы высшей школы.*

Повторим известное положение о том, что задачей высшей школы, а педагогической в особенности, является подготовка профессионально грамотных специалистов, способных к продуктивному общению, к организации коллективных форм бытия и личностного мира. Подлинная цель образования – человек культуры, человек-личность, который способен определять общественную значимость своего поведения с точки зрения добра и зла, с точки зрения сохранения и умножения жизненного богатства, а не расточения его. Этот человек обладает сложным внутренним миром, тем, что принято называть душой, которая устремляется к высшему, «сверхчувственному», к Духу. Именно такой тип человека создал всю ту совокупность феноменов, которые мы привыкли называть «культурой», или духовной культурой. И дальнейшее развитие культуры и цивилизации, преодоление кризисных состояний общества возможны лишь при постановке и исполнении такой содержательной цели образования. Как пишет Кс. Касьянова: «Влияние кризисов проявляется только в том, что мы часто в индивидуальном порядке теряем свои культурные черты, не приобретаем новых, положительных. Мы просто становимся менее культурными, что ведет к разрушению основных связей, жизненно важных для человека...» [10, с. 3].

Отметим, что существующие подходы к проблемам образования (профессионального, в первую очередь) в педагогике, психологии, этике имеют ярко выраженный когнитивно-интеллектуальный, социологизированный, инструментально-технологический характер. Необходимо, на наш взгляд, актуализировать ценностный аспект, нравственные смыслы образования. Одна из главных проблем образования – сохранить целостность человека, спо-

собность его к культурной самоидентификации и самоопределению. Без этого невозможно решение задач, выходящих далеко за рамки собственно человеческой жизнедеятельности, которые можно означить как духовные смыслы существования человека, реализующиеся как жизненные программы личного и профессионального бытия и уходящие в область метафизического, метаисторического горизонтов бытия человеческого и мирового целого.

Подчеркнем, что подлинная нравственность базируется на абсолютах, неизменных, вечных ценностях. И потому авторы настоящей статьи согласны со следующим высказыванием: «Моральный релятивизм придуман теоретиками, он существует как абстрактная, а не реальная возможность. В действительности никто, даже отъявленный злодей, не исповедует такого морального принципа, который бы противостоял “золотому правилу” или “категорическому императиву”... Исходные основания морали едины для всех; это единство не “метафизическое”, а фактическое. Имеется только одна общечеловеческая мораль, альтернативной морали не существует... Поэтому начала морали просто не нуждаются в обосновании» [11, с. 11–12].

Сделаем отступление и остановимся на проблеме общечеловеческого в нравственности. По нашему убеждению, на сегодняшний день «общечеловеческое» – это понятие, лишь «восходящее» к своей подлинной полноте, ибо в реальной человеческой истории оно не воплощено, как нет и единого человечества. Но тем не менее мы постоянно говорим о нравственных абсолютах, полагая, что они разделяются любым цивилизованным человеком, говорим о человечестве как некоем целом, объединенном самой историей. Но каковы причины этического релятивизма?

Современный философ Ю. Бородай, который пишет о происхождении нравственности в кантовской традиции, верно, на наш взгляд, считает, что «...исходным пунктом истории “нравственных существ” (Дарвин) является не “человечество вообще”, но множество сосуществующих, агрессивных, относительно примитивных групп – сверхбиологических “внутри себя”, родовых сообществ, ведущих, однако, между собою (вовне) “естественную” (т.е. вполне безнравственную) борьбу за существование (от каннибализма до современного экономического, военно-политического подавления). Проблема преобразования так существующего всемирного социума, состоящего из множества микро- и макрообществ различной степени социально-нравственной плотности (род, община, этнос, нация, класс) в единую “семью”, где частное и общее сливаются в одно, где в условиях “действительной” коллективности индивиды обретают свободу в своей (универсальной) ассоциации и посредством ее –

эта проблема невероятно сложная. Она выходит за рамки не только антропогенеза, но и за рамки самой истории, поскольку ее практическое разрешение обозначало бы генетический скачок в новое качество – скачок, очевидно, не менее значимый, чем сам антропогенез» [12, с. 99–100]. В антропологической гипотезе Ю. Бородея именно нравственные требования (в форме табу) оказываются началом формирования любого этноса, любой человеческой культуры, и представлены они как табу, талион, т.е. в своей исторической достаточности. Иными словами, можно говорить о неких началах, *общих важнейших составляющих «общечеловеческое», устойчивых элементах развития, совпадающих у разных народов.*

Таким образом, общечеловеческое в нравственности можно рассматривать как *идеальную форму реально существующей исторической ступени морали.* Поэтому общечеловеческое существует как абстракция, идея, идеал, но существует в форме конкретного исторического, национального, этнического и вместе с тем как личностное, индивидуальное, именно человеческое. Что такое современные этические императивы, например «благоговение перед жизнью» А. Швейцера? Разве не слышим мы в нем одно из древнейших и первых требований «не убий»? И разве не понимаем, как далеки мы от этого универсального, общечеловеческого нравственного принципа, и как этот принцип (сегодня он звучит как толерантность, ненасилие) необходим в формировании, реализации любого проекта общественной деятельности, образовательного процесса в первую очередь.

Только нельзя при этом забывать, что *конкретизация нравственных абсолютов всегда является проблемой личного выбора и индивидуальной ответственности,* что культурно-исторический опыт, отраженный практически в содержании любого учебного предмета, может служить бесценным практикумом в этическом образовании и самообразовании. В качестве одного из критериев современного образования напомним размышления К. Юнга о проблеме души современного человека: «... человек, которого мы называем современным, то есть человек, живущий в самом непосредственном настоящем, стоит на вершине или на краю мира: над ним небо, под ним все человечество со всей теряющейся в тумане древности историей, перед ним бездна всего будущего. Мало кто из нас является современным человеком, живущим непосредственно в настоящем, ибо такое существование требует высочайшей сознательности...» [13, с. 294]. В этом высказывании мы находим подтверждение тому, что опыт прошлого, выраженный предметно в различных науках, является важнейшим основанием процесса образования, всегда востребованным спосо-

бом «устроения» настоящего. Более того, в преподавании каждого учебного предмета необходимо акцентировать общекультурные ценности и нравственные в том числе. История всякой науки, как продукт человеческой деятельности, несет отпечаток и морального выбора, и нравственной оценки, сопряжена иногда с мучительной рефлексией совести.

Теперь остановимся на важном вопросе о месте этической науки в системе наук, что позволит актуализировать проблему образования вообще, этического просвещения в том числе, еще раз подчеркнуть необходимость и продуктивность междисциплинарного подхода к развитию наук и соответствующих им образовательных предметов. Обратимся к публикации Э.В. Соколова «Четыре “науки” XXI века» [14]. По аналогии с К. Поппером, который, как известно, выделяет три мира, Э.В. Соколов предлагает выделять четыре мира, куда входит и мир наук соответственно. Это: мир идей, мир природы, мир культуры и мир человеческий, жизненный, практический. В каждом из миров – особые вещи, особые цели, нормы, ценности. Классификации миров соответствует основная классификация наук, включающая в себя: интеллектуалистику (искусство оперировать идеями), естествознание (природоведение), культурологию (понимание культуры) и праксеологию (теорию действия). Очень коротко воспроизведем характеристику каждого из класса наук, данную Э.В. Соколовым в указанной статье.

Интеллектуальные науки – это математика, философия, метафизика, теология. Существует мир идей, понятий, чисел, фигур, ценностей, архетипов, которые ни из какого жизненного опыта не вытекают. Например, независимо от того, верим мы в Бога или нет, необходимо признать, что Бог – это богатейшая по смыслу и нравственно значимая идея, потому невозможно читать курс религиоведения вне широкого исторического, культурологического, этического контекстов.

Все естествознание возникает из чувственного соприкосновения человека с природой. Основа естествознания – опыт. Все приборы, техника исследования и даже сами идеи при изучении природы имеют второстепенный смысл. Мы можем изучать природу, лишь поскольку сами в нее включены, являемся ее частью. Изучать природу можно лишь в связи с человеком. Представить себе природу вне человека или человека вне природы – мы не в состоянии. Из этого противоречия рождается собственно научная, познавательная позиция и процесс исследования, который может быть нравственным или безнравственным, т.е. способствовать либо сохранению жизненного богатства, либо его расточению.

Культурология как наука, как систематизированное знание, как рационализированная и согласо-

ванная деятельность большого числа людей тяготеет к слиянию со стихийным разговором эпохи, с непрерывно идущими в обществе – с помощью речи – процессами размежевания, консолидации и идеологического оформления социальных групп. Следует помнить, считает Э.В. Соколов, что социогуманитарные науки рождаются и развиваются в диалоге. Предмет, истина, проблема уясняются в споре, дискуссии или дискурсе определенного рода. Этот дискурс может вырастать из лекции учителя, проповеди священника, отцовского увещания, исповедально-интимных признаний любящих людей, логически-связанных и содержательно ориентированных речей адвоката и прокурора, обвинения в суде, выступлений в парламенте.

Четвертый класс наук, как предлагает Э.В. Соколов, удобнее всего назвать *праксеологией* или прагматикой. Речь идет, по его словам, о векторе науки, который призван прояснить смысл и цели человеческой деятельности, найти оптимальные способы достижения целей, согласовать их друг с другом, в соответствии с существующей системой ценностей, социальных приоритетов и т.п. Праксеология объединяет науки, которые служат практике и

называются прикладными. *Главная задача праксеологии – осмысление человеческой деятельности как целостного феномена, объяснение его космического и духовного явления, выраженного в системе духовно-нравственных ценностей.*

Праксеология как класс наук включает в себя этику, экономику, педагогику, политологию, юриспруденцию, другие науки, суть которых состоит в реализации общепринятых или значимых ценностей с помощью научных, рациональных методов. Должное обосновывается праксеологией, исходя не из знания о сущем, но о возможном, идеальном и императивно-необходимом. Должное, как известно, не выводится из сущего непосредственно, без опоры на нравственные ценности, свободную волю человека и знание о практически возможном «здесь и сейчас». Этика, в союзе с философией, религиоведением и другими науками призвана учить организации человеческого общежития, осуществлению призвания человека, как такой сущности мира, которая способна к позитивному участию не только в горизонте социальных отношений, но, в идеале, в коэволюционном космоантропном развитии.

Литература

1. Рерих Н.К. Твердыня пламенная. Париж, 1933.
2. Бердяев Н. Смысл истории. М., 1990.
3. Бычков В., Бычкова Л. XX век: предельные метаморфозы культуры // Полигнозис. 2000. № 2.
4. Лотман Ю. Клио на распутье // Новое время. 1993. № 47.
5. Имамичи Т. Моральный кризис и метатехнические проблемы // Вопросы философии. 1995. № 3.
6. Канке В. Этика ответственности. Теория морали будущего. М., 2003.
7. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. М., 1994.
8. Чернявская Ю.В. Культура явная и скрытая // Человек. 2005. № 4.
9. Личность. Культура. Этнос. Современная психологическая антропология. М., 2001.
10. Касьянова Кс. О русском национальном характере. М., 2005.
11. Максимов Л.В. Проблема обоснования морали. Логико-когнитивные аспекты. М., 1991.
12. Бородай Ю. Эротика. Смерть. Табу. М., 1976.
13. Юнг К. Проблема души нашего времени. М., 1993.
14. Соколов. Э.В. Четыре «науки» XXI века // Человек. 2002. № 1.